

К 10-й годовщине гибели Дениса Коротая

Я знал его хорошо, хотя и недолго. Близкие годы нашего общения пришлись на смутное время в новейшей истории России – вторую половину 90-х. Мы все тогда – тесный кружок русских поэтов, или людей, мнящих себя поэтами, как я, – собирались под гостеприимным кровом журнала “Наш современник”. Неудивительно, что именно здесь, под рачительным взглядом Станислава Юрьевича Куняева, собиралось “племя младое, незнакомое”. Смотрю на старую фотографию: да, все молоды, талантливы, полны сил, и лишь в центре нашей честной компании выделяется солидная, грузная фигура Геннадия Григорьевича Касмынина – честнейшего, до конца жизни своей преданного русской идее поэта, заведовавшего в то время в журнале отделом поэзии. Он и собирал нас всех. Много самого пёстро-го люда приходило к нему на студию, но среди них выделялся, конечно, он – юный, красивый, талантливый Денис Коротаяев.

Учёный, поэт, музыкант, да просто – живой, душевный человек, он столько мог бы сделать для блага своей страны, которую любил всей душой, всем сердцем, от которой не отрёкся в самые трудные годы, когда вся наша либеральная знать плевала на Россию, на “эту страну”. В эти годы Денис заявлял о себе совершенно конкретно: “Я – русофил”, – смеялся над эстетствующими “знатоками”, которые смотрят на картины великого русского художника Константина Васильева и не видят “. . .младой Руси прекрасный лик!”

В 1999 году в Москве было плохо. Взлетали на воздух дома, подрываемые, почти открыто, чеченскими террористами, власть бездействовала, “президент” Ельцин пребывал в маразме, исламисты захватывали Кавказ, государство рушилось, Россия, казалось, кончалась. А Денису – перспективному учёному, кандидату наук, не так давно защитившему диссертацию по теории вихрей, доценту Московской государственной академии приборостроения и информатики, предложившему работу во Франции, в одном из ведущих научных центров. . . Денис не поехал.

14 июня 2003 года ему исполнилось 36 лет. Он вступил в опасный пушкинский возраст, роковой для русского поэта. К своим летам он добился многого. Об успехах его в науке я уже сказал, но и на ниве писательства успехи его были очевидны. У него вышло четыре сборника стихотворений, он стал лауреатом Есенинской премии Союза писателей России (1996). В Московской писательской организации он заведовал сектором работы с молодыми поэтами и многим из них дал дорогу в литературу. К их числу отношусь и я. Именно благодаря помощи Дениса, давшего мне рекомендацию, я попал на совещание молодых писателей в Малеевке (1997), по результатам которого был принят в Союз писателей. Денис был исключительно внимателен к начинающим литераторам, и многие видели в нём “мэтра”, забывая, что сам “мэтр” ещё очень молод.

Если бы Денис мог отдаться полностью литературе, наверно, он сделал бы гораздо больше, чем сделал к своим годам. . . Но уж в такое подлое время мы живём – время выживания, вечной погони за деньгами, за хлебом насущным. . . Сполна пришлось отдать этому дань и Денису. Помимо своей научной и преподавательской деятельности в Академии приборостроения, он взялся руководить крупным интернет-центром в Москве, хозяевами которого были американцы. Эта бизнес-деятельность отнимала у него много сил, тех сил, что в ином случае были бы направлены на творчество, как научное, так и литературное. Но ему было уже не до того. Мир делячества высасывал все его душевные соки. Как-то весной 2003 года я увидел его в Малом зале ЦДЛ на одном поэтическом вечере. Он сидел поникший, уставший, словно подстреленная птица. Увидел меня и вдруг улыбнулся своей прежней, “детской”, но уже какой-то вымученной беззащитной улыбкой.

– Как ты, Денис, что с тобой?.. – Он только махнул рукой. . .

Вечером 8 августа 2003 года Денис вёл машину, направляясь со своей дачи, что возле города Раменского, в Москву. По неведомым причинам он ехал окольными дорогами, объезжая Москву по окружной. В районе Клина он выехал на Ленинградское шоссе и направился к Москве. Была пятница, полоса движения к Москве была свободна, московский автотранспорт в это время заполняет до отказа полосу движения от Москвы – в сторону подмосковных дач. Неожиданно прямо в лоб ему навстречу вылетел неизвестный лимузин. Страшный удар, машина всмятку... Не стало прекрасного русского поэта. Он умер мгновенно...

В десятую годовщину его гибели журнал “Наш современник” публикует подборку не публиковавшихся прежде или малоизвестных стихов Дениса Коротаева “Вехи и пути”, подготовленную его отцом – Геннадием Коротаевым.

Станислав Зотов

ДЕНИС КОРОТАЕВ

ВЕХИ И ПУТИ

Я СКАЖУ ВАМ СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ

Я скажу вам со всей откровенностью:
Разговоры о будущем — вздор.
Даже звёзды своей неизменностью
Раздражают наш сумрачный взор.

Что нам вехи, пути, траектории?
Не стесняясь решительных мер,
Повороты библейской истории
Мы на свой перепишем манер.

Здесь не быть Исааку с Иаковом.
Здесь Иуду объявят Христом,
Здесь проклятие ляжет на всякого,
Кто не стал ни рабом, ни хлыстом.

Здесь уже не нужны провожатые
В лабиринтах наследственных пут:
Наши дети, по пьянке зачатые,
Наших внуков по пьянке зачнут.

Здесь подняли престиж подаяния,
Здесь за маской не видно лица,
Здесь грешат под зонтом покаяния
Без конца, без конца, без конца...

29–31 августа 1991

НАСЕЛЕНЬЕ

По мановению руки,
По августейшему велению
Мы — россияне — обрели
Собачью кличку: население.

Для нас товары создают
И изучают наше мнение...
И для приплода берегут
Людское стадо — население.

Но ни в газетной трепотне,
Ни в сиплых телеизъяснениях
Встречать не доводилось мне
Слова “культура населения”.

И жаждой истины томим,
Я вижу правду в утверждении:
Духовный мир несовместим
С животным словом “население”.

Ужель блеск гоголевских фраз
Или Чайковского творенья
И лиры тютчевской алмаз
Создало тоже население?

Для тех, в ком дух народный жив,
Не будет больше оскорбленья,
Чем унижительный ранжир
По “госстандарту населения”.

Но тот, кто о корнях забыл,
В былом узрел лишь прегрешенья,
Своё лицо легко сменил,
Закрывшись маской “населения”.

И в мраке набежавшей тьмы
В последний раз мелькнёт сомненье:
Неужто заслужили мы
Такое имя — “население”?!

В безликих этих именах
Так много хладного презренья,
Что душу сковывает страх:
Возможно ль наше избавленье?

Нас ждёт безрадостный итог,
Коль мы от спячки не очнёмся
И, как беспомощный щенок,
На нашу кличку отзовёмся...

1994 (или ранее)

СЛАБЕЕТ ТВЕРДЬ...

Слабеет твердь. Река меняет русло.
Безумие растёт, что каланча.
И полчища не новых и не русских
По Родине ползут, как саранча.

Куда мне, простаку, до их гешефта:
Я в нём такой профан, какой и был.
Любой мерзавец — шеф, и что ни шеф, то —
Активно практикующий дебил.

С земли они, как прежде, недоступны:
У каждого — кормушка и загон.
Любой мазурик — шеф, и каждый туп, но —
Не более, чем требует закон.

Они пришли навеки поселиться,
Купив себе навеки же уют,
И морды, непохожие на лица,
Размеренно жуют, жуют, жуют,

Топорчатся, деля остатки куша,
Похрипывают, струнами бренча,
Но саранче потребно что-то кушать,
А корм не производит саранча.

И всё-таки из замкнутого круга
Есть выход, идеальный, словно шар:
Пускай они пока едят друг друга,
А после их пускай пожрёт пожар!

28 августа 1999

ПОМАНИТЕ МЕНЯ, ПОМАНИТЕ

Поманите меня, поманите
В те края, где кромешен рассвет,
Золотые тончайшие нити
Протяните туда, где нас нет,

Где понуры, покорны, печальны,
Под капель каучуковых слёз
Не по-нашему шепчутся пальмы,
Ритуально роняя кокос.

Поманите, и charterным в среду,
Без сомнения и без стыда,
Я уеду, уеду, уеду,
Полагая, что не навсегда;

Схороню в одиночестве мир мой
На некрополе сотен кровей,
Осчастливлю безликую фирму
Бестолковой работой своей;

Пожелаю тепла и уюта,
Словно барменом ставший лакей,
И женюсь на девице из Юты,
Говорящей свободно “O’key...”;

Стану розовым, крупным, рогатым,
Заучившим своё “ни гу-гу”,
И, конечно же, стану богатым,
А счастливым, увы, не смогу;

Стану нервным, сопьюсь тихой сапой
Вдалеке от берёзовых вьюг...
Оттого я не еду на запад,
Оттого я не еду на юг...

Поманите меня, поманите
И, услышав нелепый ответ,
Помяните меня, помяните:
Мол, рехнулся бедняга-поэт.

В этот мир мы явились за разным
И сполна получили своё...
Вы не бойтесь, оно не заразно —
Это тихое счастье моё!..

1999

ПОНИМАЕТЕ, Я НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ...

Понимаете, я не могу объяснить,
Почему я люблю эту чудо-страну...
Ну, совру что-нибудь про незримую нить,
Ну, припомню две строчки Есенина, ну,

Намешаю салат из плакучих берёз,
Тесной комнаты с видом на нефтезавод,
Типового двора, где не то, чтобы рос,
А скорее — пытался увидеть восход,

Поднатужусь — и вспомню грибные леса,
Где полно комарья и других грибников,
Купола и кресты Золотого Кольца
И кровавые тайны минувших веков,

Опишу, как сумею, покойницу-мать,
Что — одну на весь свет — бескорыстно любил,
И скажу, как ведётся, что нас не понять,
Не измерить и что там ещё... Позабыл...

Это будет не то, это будет не так,
Но нездешнему не передать никогда
То, как сердце стучит стыкам рельсовым в такт
На пути из “оттуда” в родное “сюда”,

Где у пыльных берёз и заиленных рек,
Провожая закат и встречая восход,
Каменя, стоит и стоит человек
И глядит, не дыша, на невидимый свод...

23–25 августа 2002

ОН ЕХАЛ, СИДЯ НА БРОНЕ...

Он ехал, сидя на броне...
Деревни плыли в стороне.
Туман, спустившийся с горы,
Уже готов был до поры
Укрыть низины.

А он курил за часом час,
Буравил ночь огнями глаз
И различал почти без зла
То вопли горного козла,
То муэдзина.

Он знал — так надо, но кому?..
Он сомневался, что ему
И что кому-нибудь из нас,
Но есть присяга и приказ,
И совесть, что ли...

И кто-то требовал мочить,
А он хотел детей учить,
И, если будет быстр курок,
Он доживёт и даст урок
В начальной школе.

В его далёком городке
Дома стекаются к реке,
Поля теряются во мгле,
Подсолнух клонится к земле.
Наверно, вызрел...

А здесь — совсем иной уклад,
И вечно прав лишь автомат,
И на других ему плевать:
Он научился убивать
В ответ на выстрел...

Он ехал, сидя на броне,
В своей расколотой стране,
Курил, всё думая о том,
Что хорошо бы хоть потом
Пожить достойно.

И сигарета горяча
Была, как тихая свеча,
Что через три далёких дня
Затеplit вся его родня
Заупокойно...

19 ноября 2002